

ТАТЬЯНА ЗАОСТРОВСКАЯ

СЛАДКАЯ

ВИТА

16+

Татьяна Заостровская
Сладкая Вита

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Заостровская Т.

Сладкая Вита / Т. Заостровская — «ЛитРес: Самиздат», 2015

И смех, и грех, и настоящее чудо любви. История о женщинах которые отчаянно хотят стать мамами. В маленькой больничной палате встречаются, как в жизни, очень разные персонажи. Их желания, страхи, переживания и надежды на чудо разыгрываются неожиданными партиями. Какие секреты, далёкие от медицины, но важные для женского счастья, открылись героиням? Может, они помогут и всем читательницам, жаждущим любви, гармонии, счастья материнства

Маленькая шоколадка, булэк, как в снежную пропасть, съезжает в карман санитарки. Это высший образчик дипломатии и психологии человеческих отношений.

Строгая баба Ната слегка разжимает губы в редкой улыбке. «Баба Ната» – так её только Витка называет. Всем остальным медсёстрам и санитаркам-нянечкам тоже постоянно прыгают в кармашки конфетки и шоколадки под Виткины присказки. «Чаю попьёте», «Внуков угостите», «Чтобы жизнь послаще стала». – каждый день не по разу слышат баба Ната, баба Лена, и самая из них молодая, как понятно по обращению, тётя Катя.

Вите двадцать, у неё круглое лицо с почти неуловимым «детдомовским» налётом. Как бы это сказать – простецкое славянское лицо девочки с шоколадной обёртки. И что-то заброшенное в настороженных глазах. Пара слов, процеженных сквозь зубы, проясняют: мать пьёт, и дочерью никогда не занималась.

Непричёсанные кудри, нос картошкой и жесточайший токсикоз в начале беременности. Вита лежит под капельницей, а баба Ната, шаркая тапочками, цыкает на остальных обитателей палаты: «Ноги-то уберите с кроватей! И заправьте. Пахать на них надо, а они тут валяются. Не роддом, а дурдом». Советским наследием медицины веет не только от бабы Наты, но и от всей обстановки. Косметически приукрашенная, как одолжение современности, палата может рассказать о поколениях страдающих женщин. Правда, в другом крыле роддома начали капитальный ремонт, но пока он дойдёт до нас. Надеемся, что уже выпишемся. Или даже родим.

А пока нас четверо в узкой комнатухе. Здание старое, с высокими потолками, такими высокими, что можно не обращать внимания на трещины и паутину. Старые полы трещат под тапочками санитарки, поддакивая: «Да-да, раньше на коровах пахали и в борозде рожали! А вы тут валяетесь».

Мы и, правда, валяемся. На законных основаниях. Две «на сохранении», если врач замечает лишние передвижения по коридору, ругается почти как баба Ната. Я на обследовании, мне можно не валяться, но больше делать нечего. Ещё есть маленькая девочка семнадцати лет, поступившая утром на аборт. Обычно в одной палате стараются не объединять тех, кто правдами и неправдами пытается сохранить, и тех, кто от этого своими правдами и неправдами пытаются избавиться.

А в нашей палате как в жизни, сошлись разные правды. Томочка, дама в возрасте далеко за тридцать, интеллигентно игнорирует новую девочку. То есть, получается, совершенно неинтеллигентно. Девочка ведь не виновата, что решила вести взрослую жизнь, не подумав о Томочкиной критической ситуации: три выкидыша, возраст, пересуды знакомых и жалость в глазах подруг. Муж у Томочки, крайне положительный, тоже есть в наборе. Но кто знает? Распадающийся брак никак не вписывается в Томину отлаженную жизнь.

Пухленькая Оля с жалостью поглядывает на новенькую, палатного изгоя. Оля сама ненамного старше, но у неё любовь. Мальчик недавно пришёл из армии, каждый день по несколько раз прибегает под окно. Сегодня он принёс ей большую книжку о беременности, мы рассматриваем картинки. Цветные, наглядные. И одинаково радостно-тревожно сжимаются наши такие разные сердца: «Вот бы всё получилось». У сохраняющих своё «получилось», им хотя бы есть, что «доносить». А моё «получилось» – пока только мечта о том, что так красочно нарисовано в книжке.

Новая девочка сжимается в комочек на своей кровати под наши разговоры.

– Да ладно! Всё путём! Всё нормалёк будет, – кричит Витка из-под капельницы. – Я вот тоже пару раз аборт делала, и ничё. А вот этого рожу. И вырашу сама.

Вита как будто доказывает кому-то. Мы уже наслушались этих предвыборных обещаний. А девочка на первой кровати недоверчиво поднимает голову.

– Да! – Вита машет рукой бесшабашно, – так получалось, что поделать, я же сладкая! – она смеётся, – мне все мужики говорят!

Баба Ната, дошаркав до выхода из палаты, грозит Витке: «Капельницу не трясина, охладмонка. Все вы сладкие, когда не просют», – это уже девочке у выхода.

Про Витину «сладость» мы тоже слышаны. Она задорно рассказывает, как за ней увязываются мужики на улицах, и что если бы она захотела, то целая куча старых женатиков ушла к ней, и она бы им нарожала кучу детей. Количеством меньше «кучи» Вита не оперирует.

Тамара изо всех сил сохраняет невозмутимость. Конец фразы явно для неё. Весь Томин опыт и годы борьбы за продолжение рода тянут вытряхнуть Витку из капельницы. Но под тяжестью приличного воспитания, она только пожимает плечами, вздыхая. Не опускаться, же, правда, до сопливой нахалки?

Сейчас придёт Томин муж, неся в сумке-холодильнике дорожную ампулу для капельницы. Лысоватый, в накинутом халате, он бережно, под локоток поведёт Тамару в процедурную. Чтобы, выпросив у врачей разрешение, посидеть с ней рядом и пересказать домашние новости. Пока прозрачное лекарство будет по капле вливать надежду в жаждущее материнства Томино тело.

И они не увидят, как на Виткином лице застынет «детдомовская» горькая гримаса. «Бедная девочка, – Тома пояснит мужу вызывающий Витин смех и подмигивание. – У неё никого нет». Бабуля примиряющая мудрость Муж не поймёт, поправит съехавшую с Томиных ног простынку и продолжит докладывать новости.

А «бедная девочка», только выскользнув из капельницы, уже сидит на окошке в коридоре, что строжайше запрещено, и ест кашу. Обычный больничный завтрак. Размазанная по тарелке, «полезная для беременных и других болящих», как здесь говорят.

Дамы из разных палат сидят, как положено, за столами в коридоре, который на время приёма пищи служит столовой. Едят кашу, запивают сладким чаем и поглядывают друг на друга. Угадывая, кто тут по каким женским болячкам, кто на сохранении, а кто – наоборот. Дамы всех возрастов, в халатах всех расцветок и степеней дороговизны.

К концу завтрака, если Витку не тошнит, она уже всё про всех знает. Сладости не зря ныряют в карманы санитарок. А если тошнит, она всё узнает к обеду.

Сейчас столы поставят обратно к стеночкам, а последние жующие увидят, кто будет входить в операционную. Широкая двустворчатая дверь, на виду, тоже прямо здесь. Скоро, если операции под общим наркозом, оттуда будет слышна болтовня пациенток. Кто ругается, кто молится, – врачи ко всему привыкли.

– Когда пойдёшь? – Вита кивает на широкую дверь, подсаживаясь к нам с новенькой девочкой, мы молча допиваем чай. Каша на тарелке девочки нетронута. – Хочешь колбасы? – Вита через секунду приносит кусок. – Я так хочу есть! Колбасу люблю, вообще! А меня всё время тошнит, прикинь. – Витка рассказывает девочке, я-то слышана про её диагноз.

Девочка пытается улыбнуться, но уголки губ начинают дрожать. Коридор почти пуст. Вита наклоняется, утешая вполголоса:

– Не реви, ты чего? Ну, залетела, бывает! Зря, конечно, дотянула, можно было микро-аборт сделать – и делов-то!

Девочка сдерживается из последних сил, шепчет:

– Я всё думала, что он меня любит и всё у нас будет хорошо. А маме было страшно сказать. У меня мама, знаешь, какая строгая.

Вита усмехается, кивая на дверь операционной:

– Так чё, сегодня пойдёшь? А чего тогда тебя не готовят? Пора уже.

– Завтра, наверное, сегодня ещё анализы и к психологу сходить надо. – Девочка пожимает плечами:

– А! К психу! – Витка хохочет, – станет тебя лечить, что надо ребёнка оставить, подумать там, всякую фигню, – она вставляет матерные привычные словечки. И вдруг перескакивает. – А у твоих родоков деньги есть?

Девочка смущается ещё больше:

– Да, мама хорошо зарабатывает.

Витка, как будто не слушая, уже кричит в ближайшую открытую палату:

– Девчонки! Чай не с чем пить!

Через минуту она ломает шоколадку, заворачивая половину в фольгу и подсовывая бабе Натe, стирающей крошки с соседнего стола. Так, мимоходом.

Девочка уже не плачет, грызёт дольку и смотрит в окно.

– Ну, не знаю, – Витка вытягивает из себя затаённое, – если деньги есть, чё не родить-то? Всяко тебе и учиться дадут, и нянчиться будут, – жалость уже улетучилась из её круглых глаз, – поорут-поорут, потом сами же коляску купят, всяких ползунков, и «утю-тю» ляльке будут делать.

Она беспощадно дохрумкивает шоколад, презрительно шурясь на девочку:

– Хотя, конечно, я тоже не стала рожать так рано, залетала-то по пьяни, мало ли чё. А тут пришла, думаю, снова аборт сделаю – некуда мне с лялькой, – слова выскакивают сами собой, – мать пьёт, всех бичей домой таскает, там же зараза одна.

Мне неудобно, будто я подслушиваю чужие, затаённые мысли, подсматриваю чужую жизнь, но уйти из-за стола просто так не могу. Девочка округлила ротик, пытаясь сказать что-то в утешение.

– А, – хохочет Витка, – с фи́га ли реветь! Врачиха сказала: «Сейчас не родишь, больше никогда». А я вот рожу, и найду, где жить, подумаешь, – она толкнула плечом девочку и подмигнула мне. Явно давая понять, что ни утешения, ни переживания больше не интересуют, пошла дальше знакомиться с прибывшими и болтать со знакомыми:

– Девчонки, кому сладкого? Смотрите, что я добыла! Меняю на кусок мяса. Срочно, пока меня не вывернуло. – Мельком заглядывает в палату. Олечкин дембель снова пришёл не по времени и машет в окошко цветочками, сорванными с клумбы. «Мне пора, пора», – Витка даже не смотрит на наши баночки с котлетами, домашними пирожками и свежими ягодами, спешит выскочить, чтобы не зареветь.

В палате Вита появится только к вечерним уколам.

– Всем колоться! – кричит она громче заступившей на смену бабы Лены, за что получает нагоняй. Как будто они только что вместе не пили чай с конфетами из кармашка.

– Хорошая ты девка, только непутёвая, – выпроваживает баба Лена собеседницу в коридор. Лена тоже против абортoв, но не так воинственно, как Ната. Санитарка взывает к Виткиному разуму, открывая процедурный кабинет, – на что ты будешь жить? Сама малявка, работаешь уборщицей.

– Много ты понимаешь. Я – мастер по клинингу! – громко парирует размякшая Вита, утирая слёзы, которые доревела в комнатке санитарок.

– Хрен редьки не слаще, – вздыхает баба Лена на весь коридор. Через минуту весёлая, как ни в чём не бывало, Вита уже кричит своё:

– Всем колоться!

Кому-то ставят уколы прямо в палате, желающие «размяться», выстраиваются у процедурного кабинета. Система, наверное, тоже отработана советскими инструкциями, только шприцы одноразовые. В порядке живой очереди, стоя, задираются разноцветные халатики. Оживлённая очередь комментирует, подбадривает и шутит, подглядывая в открытую дверь:

– Смотри-смотри! Стоит, как балерина! А попка-то кругленькая!

– Ну, подумаешь, укол, укололи – и пошёл.

– Халат-то повыше задирай, чё так скромно!

Шутниц и юмористок хватает и без Виты. А та кричит в ответ из «процедурки», задирая халатик повыше: «А что, хотите посмотреть, так я покажу! У меня всё в порядке, никто не жаловался, наоборот, всё просят и просят».

Сломленная в первой половине дня токсикозом, она оживает к вечеру. Добра и любит всех подряд. Даже Томочка хихикает над её пацанскими рассказами. Сегодня в программе что-то новенькое – Вита начинает петь под радио, даже приплясывает

Неожиданно вся палата поддерживает неуместную весёлость. Поём хором, сначала любимые Виткины песни, потом все подряд. Даже девочка, пришедшая от «психа», улыбается и подтягивает красиво и правильно песню из мультфильма.

Странная смесь, странное единение. Только что все сидели, замотавшись в одеяла, как в коконы собственных переживаний. И вдруг – поём. Даже стук в дверь и комментарии из соседних палат не могут перешибить внезапного веселья и беззаботности на этом островке страха и тревожного ожидания.

Тома, оттаяв, делится ягодами с девочкой у входа. «Спасибо!» – это больше, чем благодарность, девочка смотрит на Тому украдкой. Она уже знает её историю, диагноз и подробности семейной жизни. Конечно же, не от Тома. Девочке стыдно, муторно на душе, как Витке по утрам. Сейчас даже больше, чем когда все осуждающе на неё смотрели. Она уже не спрашивает, зачем её поместили сюда. К восторженным самкам с хрупкой надеждой на материнство. Которые очень мечтают о том, что ей далось так легко. И от чего приходится избавляться. Зачем-то она попала сюда, и это для неё важнее, чем разговоры с психологом.

Охрипшие, насмеявшиеся, все вместе пьём чай, доедая домашние вкусности. Ничего, завтра родственники ещё принесут. Всем, кроме Виты. К ней никто не ходит, ничего не носит. Поэтому разнообразное питание для себя и ребёнка она добывает по палатам. Завтра ей будет сюрприз, я попросила, чтобы мне принесли огромную палку любимой Виткиной колбасы. Пусть ест. Я случайно заметила её взгляд, когда она смотрела на моего мужа.

«Какой он у тебя классный! – Вита не рисовалась, детдомовская тень наморщила ей лоб, – в пиджаке. Надо же, мужчина в пиджаке! И заботливый, и красивый». Я встала поближе к окну, чувствуя внезапную ревность. Пристально взгляделась в удалявшегося «мужчину в пиджаке».

Красивый? Как же мы привыкаем к чудесным вещам и обстоятельствам. Виткиным заброшенным взглядом я смотрела вслед тому, к кому привыкла и не замечала. Он уходил, и мне стало страшно, что я его больше не увижу. Я оставалась в этих убогих стенах, как будто время хотело разлучить нас – меня бросило в безнадёжном прошлом, а его отпустило в прекрасное будущее. Без меня? Стало страшно и муторно. И, как девочке у двери, стыдно смотреть на Виту.

– На! – Вместо утреннего приветствия Витка задирает халат у моей кровати, – намажь, говорю. От уколов не задница, а сплошной синяк.

Баночку с йодом я беру и только потом понимаю, что Витка выпячивает мне навстречу голый зад. И, правда, в сине-жёлтых пятнах от уколов. Я нарисовала «сеточку», но Витка не спешит одёрнуть халатик.

– Что, хорошенькая? – снова за своё. Я согласно киваю, чтобы не обидеть. Как-то не верится, что «куча» мужчин в один голос зовут «сладкой» вот эту плоскую широкую, переходящую прямо из спины без всякого намёка на талию, часть тела.

Вита не дожидается комментариев. Ей сегодня хуже, чем обычно. Она вползает обратно в расправленную кровать. Баба Лена принесёт ей кашу. И чай. И даже будет уговаривать, хоть ложечку «для маленького», хоть яблочко. И тут же выудит из кармана огромное зелёное яблоко. Витка только мычит. Баба Лена позовёт врача. Померяют давление, поругают, покачают головами. Очередная капельница, только без обычных шуток и поддразниваний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.